

АННА
Измайлова

ELITE
FITNESS CLUB

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЙ ГРОЗНЫЙ
ФИТНЕС-БОСС

Анна Измайлова

Мой грозный фитнес-босс

<https://litres.ru/72631240>

SelfPub; 2025

Аннотация

Неделя как я бухгалтер в элитном фитнес-центре.

Отчёты сходятся, нервы — нет. И вот — классика позора: я с бутером с колбасой, а в дверях — он, управляющий. С этого дня у меня персональный ЗОЖ-надзиратель:

расписание, съёмки сторис, «улыбайтесь, вы лицо компании», и взгляд, от которого хочется нарушать технику безопасности, диету и дистанцию.

Мы договорились: никакой близости, только работа.

Он подошёл ближе первым.

И да, сцены горячее, чем сауна на втором этаже.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анна Измайлова

Мой грозный фитнес-босс

Глава 1

Первая рабочая неделя — та самая, когда ты ещё ходишь по офису на цыпочках, улыбаешься всем как сумасшедшая и искренне надеешься, что никто не заметит тебя до получки. Бухгалтерия сети фитнесклубов «Pulse» встретила меня холодком кондиционера, ровными рядами папок и запахом свежей бумаги. И ещё — этими бесконечными зеркалами в коридоре, где сама судьба шепчет: «А ну-ка, подсмотри, сколько у тебя там “лишнего добра”». Спасибо, зеркала, я всё в курсе.

Я вернулась из магазина: пакет шуршит, внутри — батон «французский» (он-то чем провинился?), колбасная нарезка и скромный йогурт. Разложила добро на углу стола — аккуратно, по-бухгалтерски. Достала ножик-раскладушку, кусочек хлеба, на него — сливочный сыр и сверху розовую колбасу. Я уже предвкушаю первый укус...

— Блинова, — говорит чей-то низкий голос у меня за спиной так, будто он одновременно и приговор, и налоговая проверка.

Я дёргаюсь, чуть не размазывая сливочный сыр по отчёту

за квартал. Оборачиваюсь — и вот он стоит в дверях: Кирилл Лавров, директор, главный тренер, лицо бренда. Высокий, собранный как швейцарский нож, взгляд стальной. Пиджак сидит так, что хочется аплодировать портному стоя. Если бы дисциплина имела человеческую форму, она выглядела бы как он.

— Это что? — кивает на мой бутерброд так, будто я принесла тухлую сельдь.

— Обед, — говорю невинно и прикрываю бутер ладонью. — Мой.

— Соня, — он делает шаг вглубь кабинета, и воздух, кажется, становится на пару градусов холоднее, — ты плохая реклама клуба. Каждый сотрудник должен выглядеть спортивно.

Коллеги замерли. Бухгалтерская стая перестала перебирать клавишами, как вдруг всем будто отрубили интернет. Я чувствую на затылке два десятка взглядов. Где-то с дальнего стола тихо звякнула чайная ложечка — у кого-то рука дрогнула.

— Я бухгалтер, — спокойно напоминаю, — меня никто не видит, кроме вас. И то не всегда. Я считаю деньги, а не калории.

Он переводит взгляд на мой бутер. Мне кажется, он сейчас прочитает его состав без этикетки и вынесет решение суда.

— Сотрудники «Pulse» — это про образ жизни, — гово-

рит он, отчеканивая каждое слово. — Ты же в зеркала в коридоре смотрела?

— Смотрела, — киваю. — И они на меня тоже. Мы втроём договорились жить в мире.

Кирилл поднимает бровь — ровно на миллиметр. Наверное, в его внутреннем уставе прописано: «Не повышать брови без необходимости». Идёт ко мне. По пути бросает взгляд на стол: ноут, папки, степлер, чек из «Продукты у дома», такой длинный, как лента с признаниями.

— Директор без чувства юмора — это тоже плохая реклама, — говорю я, пока он приближается. Голос у меня бодрый, а в животе — мелкий барабанный бой.

С краю шепчутся: «Она сказала это ему в лицо!» Ещё кто-то неосторожно хихикает, стул скрипит, будто поддержива-ет.

Он останавливается рядом, пахнет свежим душем, кедром и немного бергамотом. Тихо, аккуратно берёт чек с моего стола.

— Разберёмся, — сурово подытоживает, уже скользя глазами по позициям: «батон», «сливочный сыр», «нарезка колбасы варёной», «йогурт», «чизкейк с малиной».

— Мы что, на допросе? — интересуюсь. — Или вы практикуете фискальный контроль своих сотрудников?

— Мы практикуем стандарты, — отвечает он. — Стандарты — это предсказуемость результата. А результат — это

репутация.

— Репутация у нас будет отличная, — киваю на бутер.
— Вот это — очень предсказуемый результат: я поем и не сдохну, даже немного счастливее стану.

Коллега с соседнего стола подкашливает, превращая смех в бронхит. Кто-то шепчет: «Тише, вы что, жить надоело?» Я внутренне улыбаюсь. Это, конечно, безумие — спорить с ледяной стеной, но я не умею молча принимать глупости. Тем более, когда голодная.

Кирилл кладет чек обратно. Его взгляд задерживается на моих руках. Наверное, ожидает, что у меня дрожат пальцы. Не дрожат. Я много раз считала кассы в конце дня: ничто так не тренирует нервную систему, как свод дебета с кредитом.

— В «Pulse» нет места колбасной эстетике, — произносит он. — С сегодняшнего дня — никаких переработанных продуктов с кучей соли и жира на рабочих местах. Это отвратительно пахнет, это вредно, и это бьёт по бренду.

— А по людям не бьёт? — спрашиваю ровно. — Или мы бренд едим?

В кабинете снова шевелятся шёпоты. Я краем глаза вижу, как Таня ровной полосой уходит под стол — прячется. Героиня камуфляжа.

— Блинова, — голос у него не громкий, но звучит очень неприятно, — ты неделю в компании. Обычно на этом сроке люди стараются... вписаться.

— Я стараюсь, — говорю. — Вот список «стараний»: сда-

ла авансовый отчёт, покрутила дебиторку, подняла старые акты. И да, у меня обед. Разрешите, я не буду падать в голодную обморочную сказку ради «эстетики».

И — да, я допускаю ошибку. Я поднимаю бутер и откусываю ровно столько, чтобы всем стало ясно: я не шучу. Он смотрит на меня так, будто я сейчас лишила себя счастливого будущего. Вообще-то счастливое будущее — это сытая я, наевшаяся бутеров с чаем независимо от общественного мнения.

— Прекрати, — произносит он коротко.

— И не подумаю, — отвечаю с полным ртом и тут же жалею. Но поздно.

Он протягивает руку — быстро, как будто спасает меня из пожара, — и забирает мою тарелку. Нет, ну что это за привычка всё отбирать? Я цепляюсь за тарелку, но он, разумеется, сильнее. Тарелка сдаётся, на секунду повисает между нами.

— Это... — он поднимает нарезку за край упаковки, — вещественное доказательство колбасной зависимости.

— И что вы с ним сделаете? — интересуюсь. — Припаяете мне срок?

— Утилизирую нарезку, — отвечает он сухо. — С последующим инструктажем.

— Инструктажем кого? — невинно говорю. — Колбасы? Сзади уже не шепчутся и едва дышат. Кто-то явно снимает на телефон, и я мысленно представляю заголовок: «Управ-

ляющий сети фитнесклубов конфисковал у бухгалтерши... колбасу».

Кирилл на секунду замирает, будто выбирает между «прочитать лекцию» и «не опускаться». Я вижу, как в его глазах мелькает что-то похожее на улыбку — но нет, он снова закрывает ставни эмоций, отдавая предпочтение холодной дисциплине.

— На сегодня, — говорит он, делая вывод, — ты обходишься без этого. И— да, Соня, — он впервые называет меня по имени чуть мягче, чем раньше, — у нас есть правила. Ты либо в них, либо... — он не договаривает. И не надо. Я поняла.

Я молчу ровно секунду, потом киваю. Внутри при этом всё кипит. Да, я новенькая. Да, у него идеальный пресс и должность. И что теперь?

— Принято, — говорю. — Но у меня встречное предложение: вы не трогаете моё, — киваю на стол, — я не трогаю ваше, — неопределённо машу в сторону спортзала. — И все счастливы.

— Это так не работает, — отвечает он.

— Понятно, — усмехаюсь. — Тогда это называется «тирания». В чистом виде.

Где-то позади всхлипывает чья-то нервная система. Таня еще больше уходит под стол.

Кирилл смотрит на меня ещё долю секунды. Затем спокойно поворачивается к выходу. Пачка с нарезкой до сих пор

у него в руке. Мы стоим как в дурной сцене развода, где муж уносит тостер.

Куда? — спрашиваю.

— Разберёмся, — повторяет он. — И да, на сегодня — воды побольше, около двух литров на твой рост... и примерный вес.

Он разворачивается, и весь кабинет послушно расступается. Дверь мягко закрывается.

Тишина держится ровно три секунды — и бухгалтерия взрывается шёпотом, смешками, чье-то удивленное «ого» проливается на ковролин. Кто-то начинает спрашивать, жива ли я. Я живее всех живых — просто без бутера.

Я смотрю на пустой стол. На нём — только салфетки, чек и моя гордость.

И тут, как в плохом сериале, дверь снова приоткрывается. Кирилл высовывается ровно на ширину плеча, смотрит прямо на меня — чётко, без улыбки.

— Соня, — говорит коротко, — в семь ноль-ноль завтра — в зал. Начнём... разбираться.

Щёлк — и исчезает, унося с собой мою колбасную судьбу.

Я сжимаю чек, слышу, как бумага трещит под пальцами. Коллеги наперебой шипят: «Ты видела? Он у тебя еду забрал!» — «Она ему ответила!» — «В семь утра? Да он псих!» — «Зато красивый...»

Я делаю глубокий вдох. Ладно. Посмотрим, кто кого. Если война — то война. Но предупреждаю сразу: я не из робких.

А ещё я очень злопамятна, Кирилл Лавров. Особенно когда уносят мою колбасу.

Вытаскиваю из нижнего ящика стола «секретный» батончик и, глядя на закрытую дверь, шепчу себе: «Разберёмся, так разберёмся».

Глава 2

Кирилл

Кабинет управления — мой аквариум. Стеклянные стены, из которых видно весь зал: дорожки, эллипсоиды, зеркала, мокрые следы на полу у бассейна. Всё дышит ритмом и графиком. Я люблю этот порядок — когда дело упирается только в дисциплину и повторения. В стекле отражается человек в хорошем костюме, с ровными плечами и лицом, на котором, как мне кажется, давно уже нет лишних эмоций. Не потому что я «ледышка». Потому что умею убирать лишнее, когда оно мешает делу.

На столе — раскладка по персоналу, KPI за квартал и утренний инцидент с колбасой в виде короткой заметки в блокноте: «Блинова. Новая. Умная, дерзкая. Шутит, когда страшно. Упертая». Я фиксирую такие детали не ради контроля, а чтобы понимать: из чего слеплен человек, с каким сопротивлением работать.

Рядом — её чек. Я не должен был его брать, но всё же взял. Чистая логистика: на что живёт сотрудник, на каком топливе. Колбаса — плохое топливо. Дешёвый ресурс, как плохая мотивация. Ты быстро горишь и тухнешь.

Я открываю корпоративную почту. Пальцы находят привычный ритм по клавишам. Сначала — рассылка по персоналу:

Тема: Стандарты «Pulse»: образ жизни = бренд. Команда, обновляем практики. На рабочих местах — только вода, несладкий чай/кофе, орехи, фрукты. Переработанные продукты (колбасы, дешёвые сладости) — за пределами офисных зон. Сотрудники фронта и бэка — лицо компании. Мы не про «картинку», мы про здоровье и уважение к телу. Вопросы → ко мне.

Секунда тишины. Потом на почту начинает капать автоответ: «Принято», «Ознакомились». В корпоративном чате всплывает первая наклейка с гантелей и надписью «ну всё, понеслась». Я отмечаю сообщение «видел».

Дальше — персонально Блиновой.

Смотрю в окно. Внизу, у зоны растяжки, она проходит быстрым шагом, прижимая к груди планшет. Невысокая. Компактная. Хорошая база, короткий рычаг, сильные ягодичные можно нарастить быстро, спина упрямая, но достаточно ровная, чтобы не мучить её месяцами. Силовая ей ляжет. И мобильность подтянем. Если не будет огрызаться каждую минуту. Хотя... эта её черта — тоже мышца. Её тоже можно направить в работу.

Я ловлю себя на том, что рассматриваю её дольше, чем нормальный срок «оценки антропометрии». Не то чтобы «залип», но интересно. В маленьком росте есть упрямство. Центр тяжести ближе к земле — такие, когда встанут, уже не сдвинешь. И с ними получается хорошая форма: собранная, функциональная, не «глянцевая кукла», а тело, которое что-

то умеет. Она может быть очень красивой по-спортивному. Через три-четыре месяца системной работы — и её «я просто бухгалтер» закончится само собой. Главное, чтобы она в это поверила.

Открываю новый документ: «План Блиновой Соня — стартовый блок (4 недели)». Пишу сухо, по делу, без сюсю:

Тренировки (3× неделя, 45–55 мин):

— Разминка: мобилизация тазобедренных, лодыжек, плеч (8–10 мин).

— База: присед на ящик, тяга в наклоне с гантелью, жим гантелей лёжа/под углом (3×8–10, лёгкий вес, техника).

— Кардио-блок: интервалы 30/30 на дорожке (10 мин).

— «Ядро»: планка, мёртвый жук, дыхание (5–7 мин). — Заминка и дыхание (5 мин).

Нутри-рамка:

— Вода: 30 мл/кг/сутки минимум.

— Белок: 1,3–1,5 г/кг/сутки.

— Углеводы — по активности, без крайностей.

— Жиры — не режим ниже 0,8 г/кг.

— Пункт 0: Отмена колбасной зависимости (да, это официально). Заменить на цельные источники белка.

Секунду смотрю на строчку «Отмена колбасной зависимости». Улыбаюсь краешком рта — да, оставляю. Пусть поймёт, что я видел её «оружие». Но и пусть видит: я не про стыд, я про замену. Нельзя просто «запретить». Надо дать альтернативу и опору.

К письму прикладываю таблицу с тремя столбцами: «минимум», «норма», «идеал». В «минимум» — то, что она точно вытянет, даже если будет злиться на меня весь день. В «норма» — план, к которому пройдем за две недели. «Идеал» — ориентир на месяц.

Перед отправкой делаю паузу.

Я привык решать быстро, но здесь мне почему-то важно сформулировать правильно. Не «сломать». В голове всплывает её колкая фраза: «Директор без чувства юмора — плохая реклама». Раздражает и одновременно освежает. Я давно не слышал, как мне отвечают так... легко. Обычно или поддакивают, или лезут в конфликт ради конфликта. Она другая. Смеётся, чтобы не отступить. Я это уважаю.

Печатаю:

Соня, привет. Сотрудники «Pulse» — не витрина, а пример процессов, которые мы продаём. Это к делу. Ниже стартовый план на 4 недели. Под тебя, без героизма. Да, пункт про отмену колбасной зависимости — реальный. Сменим топливо. Жду в 7:00 на коврик завтра. Не опаздывать.

Нажимаю «отправить». Письмо уходит, как выстрел холостым, слышно только мне.

Тут же всплывает чат «Бухи — наши» (да, у меня есть доступ, я управляющий, не надо удивляться).

«Сонь, ты видела? Выживешь — станешь легендой». Следом: «Принести цветов на поминки твоей колбасы?» — «Я могу сыграть траур на степе».

Чуть качаю головой. Юмор — хорошо. Юмор спасает. Но завтра в 7:00 смеяться будет сложнее.

На телефон приходит ещё одно уведомление — от неё. Открываю: коротко, жёстко, как счёт к оплате.

«Приняла. С тренером-тираном спорить бессмысленно. P.S. Уточняю: 7:00 — это цифры реальные, а не декоративные?»

Пальцы сами отвечают:

«Реальные. Коврик номер четыре возьми с кардио зоны и бутылку воды 0,5. P.S. Тиран — это когда без аргументов.»

Отправляю — и только потом понимаю, что сейчас действительно улыбаюсь. Ненадолго. Контролируемо. Но факт.

Я встаю от стола, подхожу к стеклу. Внизу тренер ставит девушку в планку, рядом кто-то тянет поясницу, кто-то спорит с беговой дорожкой. Зал живой, как улей. И я люблю это ощущение — когда у каждого есть своя маленькая война, и я — тот, кто распределяет боеприпасы и следит, чтобы никто не прострелил себе ногу.

В дверь тихо стучат. Заглядывает Артём, старший тренер по кардио.

— Начальник, слышал, ты «колбасный запрет» ввёл. Поддерживаю, — он усмехается. — Девочка огонь. Выдержит?

— Выдержит, — отвечаю без пафоса. — База хорошая.

— И характер, — добавляет он. — С такими интереснее. Они либо тебя возненавидят, либо... — он недоговаривает, хитро щурясь.

— У нас рабочие отношения, — обрубая. Люблю Артёма, но в этих намёках он как ребёнок — проверяет, где границы. — Завтра походи у зоны кардио. Мне нужен глаз со стороны во время тренировки Сони.

— Есть, — кивает. — Я «случайно» пройду мимо.

— Если всё получится как я думаю, она станет моим сильным кейсом.

Остаюсь один. Беру с тумбы упаковку с той самой нарезкой. Ровная, розовая, пахнет химией, а не мясом. И смешно, и грустно. Всегда удивлялся, как легко люди отдают своё самочувствие на аутсорсинг самым дешёвым решениям. Кидаю упаковку в мусорный контейнер.

Телефон вибрирует. От Сони приходит ещё одно:

«Если я приду и умру, вы будете нести моральную ответственность?»

Отвечаю:

«Да. Но ты не умрёшь. Максимум — пожалеешь, что написала это сообщение».

Три точки печатаются, гаснут, снова печатаются. В конце прилетает одно слово:

«Чёрт.»

Я хмыкаю. На стекле — своё отражение. Лицо спокойно, глаза — нет. Там движение. Возможно, мне самому давно пора что-то пересобрать. Не в расписании, а в голове. Потому что я слишком легко вспомнил вкус старой злости: когда «свой» человек предаёт, ты превращаешься в бетон. И

живёшь так годами. Зал помогает не сойти с ума, но не лечит причину.

Соня раздражает меня правильным образом. Она срывает привычную тишину, зовёт в диалог, пусть и сквозь зубы. И да, у неё тело, которое можно сделать сильным без истязаний. Невысокий рост — плюс. Компактный рычаг — быстрее даст силу. Мышцы у неё «проснутся» легко, если дать им работу, а голове — цель, а не запрет. Через такую рамку человек перестаёт «хотеть казаться» и начинает «уметь».

Сажусь. Проверяю ещё раз план, добавляю примечание: «Не гнать. Следить за коленями. Игровой формат, шутки — допустимы». Выделяю жирным «игровой формат». Да, от меня неожиданно. Но с ней по-другому не работает.

Захлопываю ноут, ставлю будильник на 5:30. Люблю приходить раньше: тишина, хлорка, свет включается по секциям, как стартовый отсчёт. В семь она зайдёт в зал — уставшая, злая, с кофе вместо воды. И мы начнём.

Перед тем как уйти, достаю из ящика новый коврик — плотный, матовый, с нескользящим покрытием. Наклеиваю маленькую белую полоску с маркером «4». Улыбаюсь уголком рта. Смешно — готовлюсь, как будто к бою.

В чате «Бухи — наши» снова всплывает сообщение: «Соня, мы держим за тебя кулачки». Она отвечает gifкой с кошкой, которая бьёт лапой боксерскую грушу. Нормально. Удар у неё будет. Я помогу, чтобы он был туда, куда надо.

Выключаю свет. Дверь мягко шуршит. В коридоре зерка-

ла ловят мою спину, и на секунду я вижу себя со стороны — не «тиран», не «холодный тренер». Мужик, который однажды слишком сильно обжётся и теперь слишком тщательно всё строит. Возможно, пора научиться не только строить, но и жить внутри этого дома.

Телефон вибрирует в последний раз:

«Ок. 7:00. Не опоздаю. P.S. Если вы скажете слово “колбаса” — я уйду.»

Отправляю коротко:

«Принято P.S. Слово “колбаса” сегодня заменено на “дешевое топливо”.»

Ставлю точку. И чувствую впервые за долгое время лёгкое, почти забытое предвкушение. Не войны. Процесса. И того, что из него может получиться.

Глава 3

Соня

В шесть пятьдесят девять я стою в дверях зала как школьница у кабинета физры — только хуже: школьницу хотя бы не снимают зеркальные стены со всех сторон. Свет ещё мягкий, из бассейна пахнет хлоркой, дорожки как взлётные полосы, гантели — как маленькие кирпичи моего будущего позора.

Кирилл уже здесь, разумеется. На нём чёрная футболка, которая вообще-то должна быть запрещена, потому что в ней видно всё, что я не хочу видеть в семь утра. Он кивает на коврик с меткой «4».

— Опоздала на минуту, — констатирует.

— На минуту не считается, — бурчу. — Минуты — это вообще... округляются.

— Разминка не округляется, — отвечает. — Вода есть?

— Есть, — трясую бутылкой. Там вода и немножко отчаянья.

Коврик — как стекло. Скользит. Я аккуратно кладу на него свою тушку и уже слышу в голове реквием. Кирилл ставит таймер на телефоне, кивает на меня подбородком:

— Дыхание: нос вдох — выдох через рот — нос вдох. Скажи «с-с-с» на выдохе.

— С-с-с, — шиплю. — Как змея?

Разминка начинается с «мобилизации тазобедренных». Я величественно киваю, как будто знаю, где у меня тазобедренные, а где — просто беды. Через минуту мои «тазобедренные» хрустят, как чипсы. Я стону.

— Это нормально, — говорит Кирилл, как врач, объявляющий: «Будет неприятно». — Пятнадцать повторений бедром наружу.

— Пятнадцать? — делаю умоляющие глаза. — Может, сделаем один — но легендарный?

— Пятнадцать, — повторяет. — И ещё десять к ним.

— Вы садист, — сообщаю и вытираю лоб рукавом.

Где-то слева девочка в топе с открытым идеально плоским животом давится смешком. Тренер с кардио зоны — этот Артём — «случайно» проходит мимо, подмигивает. Отлично. У меня уже фан-клуб.

Переходим к приседу на ящик. Кирилл ставит за мной лавочку «на страховку» и включает «режим инструктора».

— Ноги на ширину плеч, стопы чуть наружу, грудную клетку не заваливай, колени не валятся внутрь, таз — назад.

— У меня столько деталей нет, — честно предупреждаю. — У меня одна Соня, и та просит пощады.

Он игнорирует шутку, как игнорируют кота, который просит в шесть утра пожрать. Встаёт рядом, показывает движение — медленно, технично. Я пытаюсь повторить — и, конечно, путаю всё, что можно перепутать: корпус уезжает вперёд, колени встают домиком, пятки ищут заземление.

— Стоп, — он подходит ближе. — Дай руки.

Он берёт мои кисти — тепло, крепко. Ставит их правильно на ручку гантели. Его ладони большие, уверенные, и да, чёрт, пахнет он вкусно, как если бы «лес после дождя» пошёл в спортзал и стал мужчиной. Я стою, как баран на льду. Ничего не получается.

— Смотри на точку перед собой, — спокойно говорит он. — Сядь. Не падай. Дыши.

Я сажусь. Почти сажусь. Почти не падаю. Почти дышу. В момент «почти» коврик подо мной вздыхает и исчезает из вселенной — ноги разъезжаются, я ловлю баланс, машу руками, как пингвин. Кирилл успевает подхватить меня за локти.

— Жива, — констатирует.

— Вроде да, — шепчу.

С кардио дорожки долетает приглушённый хохот. Прекрасно. Зал угорает. Я — их утренняя комедия.

— Резинка, — решает Кирилл. — Будет проще держать ноги ровно, колени заваливаться не будут.

Он достаёт резиновую ленту и... это было бы смешно, если бы не было так стыдно. Он ставит мне ленту выше колен — и в момент, когда я пытаюсь в неё залезть, лента срывается и щёлкает его по запястью.

— Ох! — вскрикиваю и тут же зажимаю рот ладонью. — Простите! Она сама!

— Бывает, — спокойно отвечает. — Живой инвентарь.

— Я не хотела... прям так, — мямлю.

Артём по дороге смеётся вслух: «Лавров, держись, у тебя конкурент». Я бы умерла от стыда, но сейчас занята — вспыхиваю всеми оттенками красного. Резинка садится на место. Кирилл проверяет, не оставила ли я ему шрам на запястье. Я почему-то тоже смотрю.

— Присед, версия для чайников, — тихо. — Внутренняя сторона бёдер держит, колени открыты, спина ровная.

— Ещё десять? — обречённо.

— Ещё десять, — подтверждает.

Я делаю. На шестом начинаю стонать. На восьмом ноги начинают дрожать. На десятом я готова написать завещание на имя картошечки фри.

— Молодец, — говорит Кирилл. Это «молодец» лежит на языке как маленькая конфета. Я не хочу этого признавать, но мне стало приятно от этой похвалы.

Дальше — тяга в наклоне с гантелью. Он ставит мне корпус, поправляет спину — и тут уже химия прыгает из зеркала ко мне в лицо. Он близко. Слишком близко. Тёплые пальцы на моей ладони направляют хват, другой рукой он касается поясницы.

У меня внутри что-то срывается с тормозов: да, у меня долгий перерыв в личной жизни. Я нормально жила и без этого, но тело, оказывается, умеет скучать отдельно от головы.

И когда этот человек пахнет своей невозможной смесью

«свежесть + бергамот + его собственный пьянящий мужской запах», хочется думать не про «тягу», а про «обнимашки». Прекрати, Блинова.

— Локоть ближе к корпусу, — его голос низко у уха. — Не тащи шей. Вдох — тяга — выдох.

Я делаю, как он говорит, и всё равно где-то там, внизу живота, распускается искра.

— Хорошо, — говорит он и мягко отнимает ладонь, но остаётся близко: плечо к плечу, тепло через футболку, дыхание тихое.

— Больше не прикасайтесь ко мне, — шиплю слишком резко. — Я... Не надо.

Внутри — паника, снаружи — броня.

Я слышу, как мои щёки загораются словно светофор. Он отступает на шаг мгновенно, но глаза — внимательные, они застревают на моих алых щеках. Пусть думает, что я это от тренировки запыхалась...

— Принято, — коротко говорит он.

Я сглатываю. Делаю вид, что меня интересует исключительно гантель, а не мужик, который сейчас отступил и всё равно видит меня насквозь.

С дорожки снова хихикают. Я делаю вдох, выдох, собираю остатки самоиронии в кулак.

— Сколько ещё? — спрашиваю и стараюсь не смотреть на него вообще.

— Ещё десять, — отвечает спокойно.

Глава 4

Кирилл

После силового блока я веду Сою к кардио-зоне — там как раз начинается класс степ-аэробики. Музыка — бодрый «бум-бум» в нужных 128 BPM, девчонки в одинаковых топах, тренер Лера — маленькая, жёсткая, с улыбкой «я обниму тебя — и заставлю работать».

— Лера, это Блинова, — киваю на Сою. — Дай ей двадцать минут лёгкого кардио. Координация, пульс до 140.

— Поняла, — Лера щёлкает таймером. — Соня, вот степ, высоту понижаем на чуть чуть, чтобы удобнее было.

Соня качает головой, будто идёт не на степ, а на устный расчёт налогов перед комиссией. Щёки всё ещё горячие после зала, но взгляд прямой, дерзкий. Это хорошо. Страх уходит, когда тело понимает правила.

Я остаюсь сбоку, у поручней, контролирую: техника, внимание. Она встаёт справа от Леры, ловит ритм. Первый трек — марш, колено вверх, шаг-степ, назад. У неё получается не сразу: правая-правая, потом вдруг левая, шаг «мимо степа», смешной полушажок, она чёртыхает сквозь зубы, но не бросает. Лера хвалит правильно: по делу, коротко.

На втором треке Лера усложняет: «V-step», поворот, смена стороны. Соня срывается дважды, кривится, шипит «чёрт», но в целом держится.

Я чуть отхожу, чтобы не давить присутствием, и всё равно вижу — у неё сегодня баланс чуть «гуляет». Недоспала? Голодная? После силового могло «поплыть» — гликоген она тратит быстро, организм не привык. Я делаю жест администратору — принести ей воду поближе.

Третий трек — «колени-колени, поворот, степ-тач назад». И вот тут происходит то, что обычно случается с новенькими: мозг делает одно, ноги — другое, мир — третье. Соня на повороте чуть недопереносит вес, край кроссовка находит не площадку, а воздух. Я успеваю увидеть это в доли секунды: стеклянный взгляд «щас упаду», плечо уходит, корпус накреняется.

Я двигаюсь. Это привычно — тело реагирует раньше, чем голова выдает команду. Два шага — и она уже в моих руках: левую руку завожу под лопатки, правой фиксирую локоть. Вес — лёгкий, тёплый, живой. Она врезается грудью, пахнет чем-то сладким, ванильным.

— Поймала... — выдыхает и тут же исправляется, глядя на меня снизу вверх: — Поймали.

Зал на секунду «подвисает» и тут же оживает смешками. Лера, не теряя ритма, хлопает два раза: «Продолжаем! Соня — всё ок!»

Я ставлю её на ноги, проверяю взглядом — глаза в фокусе, колено цело. Она держится уверенно, ладонь ещё лежит у меня на предплечье, и в этот момент мы одновременно понимаем, насколько близко стоим. Музыка давит в уши, но я

слышу её дыхание — короткое, взволнованное.

И я вижу её взгляд. Не «жертва пончиков», не «не отвлекайте меня, я бухгалтер». Огонь. Чистый, живой, дерзкий. Человек, который злится, что не получилось — и уже хочет попробовать ещё.

— Это не упражнение «обнимашки», — говорю ровно, отпуская шутку, чтобы снять лишнее напряжение.

— По вам не похоже, что вы против, — отвечает она слишком быстро, и тут же прикусывает губу, будто сама испугалась своей смелости.

— Уверен, что за «обнимашки» у нас Лера отвечает, — киваю на тренера. — А я — за то, чтобы ты стояла на ногах.

— Уже стою, — она отнимает ладонь, расправляет плечи. — Давайте дальше.

Это «давайте дальше» мне нравится больше всех её шуток вместе взятых. Я подбираю степ ближе к центру, уменьшаю высоту ещё на один кубик.

— Пять минут лёгкого шага, — говорю Лере. — Потом растяжка и вода. На сегодня достаточно.

Лера кивает. Соня встаёт, пробует ещё раз. На этот раз — чище.

Сбоку что-то мигнуло — админ Рита держит телефон вверх, снимала момент «спасения». Я бросаю взгляд: «Выключи». Она виновато опускает камеру. Поздно. Я знаю, как быстро у нас всё разлетается по интернету: двадцать минут, и весь район уже «видел».

Двадцатая минута подходит, Соня спрыгивает на пол, дотягивается до бутылки. Щёки горят, глаза — тоже. Я подхожу, проверяю голосом:

— Голова не кружится?

— Всё ок, — она делает пару глотков, промахивается крышкой — руки дрожат. — Немного... ну... вы меня неожиданно поймали.

— Ты упала — я поймал, — пожимаю плечами. — Это вся магия.

— Магия, — фыркает. — Угу.

И тут у меня на телефоне одновременно начинают прыгать уведомления. Сначала чат «Ресепшн», потом «Маркетинг», потом «Pulse Family». Я краем глаза вижу первое превью: видеоролик, на котором я ловлю Соню; подпись:

«Наш горячий босс не только строгий, но и спасатель #pulse #утро #тренировка».

Десять сердец, двадцать, сорок. Видео расходится, как кофе в понедельник.

— Супер, — сухо говорю себе под нос. — То, что мне было нужно.

— Что? — Соня заглядывает на экран, и я автоматически закрываю телефон ладонью.

— Ничего, — отрезаю. — Тренировка окончена. В душ и можно завтракать. Без «дешевого топлива».

Она улыбается искоса, явно понимая, что случилось что-то интернетное.

— Так и знала, что вы — хайп, — говорит. — Осталось мне только мем с колбасой дорисовать.

— Попробуй — уволю, — отвечаю в тон. — Молодец, что не бросила упражнение после падения.

Она моргает и отворачивается к Лере — растягивать квадрицепс.

Телефон снова вибрирует: «Кирилл, это как раз тот контент, о котором мы мечтали! — пишет маркетолог. — Растёт охват, люди пишут “как записаться к вашему управляющему”». Я закатываю глаза. Вот уж «мечта».

Я делаю шаг назад, ещё один и ощущаю, как внутри начинает раскачиваться знакомое, неприятное слово: «слухи». Я умею с ними работать, но ненавижу. Они липкие, как сироп, и быстро портят вкус ко всему. А здесь ещё и пересечение «работа/личное», которое я для себя закрыл много лет назад.

Глава 5

Соня

Если войну нельзя выиграть, её можно хотя бы красиво оформить. Я решила, что моё оружие — сахарная артиллерия.

Утро началось с того, что я вошла в бухгалтерию как Санта-Клаус, только вместо мешка с подарками у меня была огромная коробка пончиков с глазурью. Тёплых, мягких, с дыркой посередине как у меня в душе после вчерашней тренировки и утреннего степа.

— Народ, — торжественно объявила я, ставя коробку на подоконник, — объявляю день солидарности с углеводами.

Таня из налоговых вычетов подняла голову от деклараций, посмотрела на пончики так, будто вот-вот их съест. Все разом.

— Сонь, ты крутая, — выдохнула она. — Нам же нельзя, у нас теперь режим. Лавров же...

— Лавров — у нас управляющий, а не психолог, — отрезала я. — Объясняться ему я не собираюсь. А это, — открыла крышку, и запах ванили, жареного теста расплылся по кабинету, — акция протеста. Против дискриминации к вкусной еде, сахарного шейминга и всего вот этого ЗОЖ-без-радости.

Пончики лежали рядами: с розовой глазурью, белой, шо-

коладной, с посыпкой. Маленькая армия счастья. Я достала маркер, лист А4 и крупно написала:

«Сладкое — моя зависимость»

Повесила лист прямо над коробкой. Потом подумала и дописала мелким шрифтом:

«и да, я это осознаю и беру ответственность».

— Всё, — удовлетворённо сказала я. — Если что, скажем, что это арт-объект. Мы в модном клубе, у нас инсталляция.

Тут же зашуршали стулья, расправились бумажные тарелки, загорелись глаза. Коллеги толпой подошли к подоконнику, но брали пончики осторожно озираясь.

— Он же нас убьёт, — прошептала Юля из зарплат. — Если увидит.

— Он увидит, — мрачно сказала Таня. — У него шестое чувство на калории.

— У него какое-то обострённое чувство долга, — поправила я. — А у меня обострённое чувство, что жизнь коротка.

Я выбрала себе пончик с белой глазурью и разноцветной крошкой, откусила и на секунду поняла, что это лучше, чем медитация. Сахар ударил по мозгу, пухлое тесто растаяло на языке. Для полного счастья не хватало только того, чтобы меня не мучали мышцы после вчерашнего «ещё десять, Соня».

В чате «Бухи — наши» тут же появились первые мемы.

Юля скинула картинку: кот, сидящий на горе пончиков, и подпись: «Я ушла в отрыв, не ждите обратно». Таня отпра-

вила фотку коробки с моей табличкой и приписала: «Наше сопротивление режиму».

Я хихикнула, запивая пончик чаем. Да, детское. Да, мелко. Но чёрт, приятно. Особенно когда в животе война гормонов, а в голове Кирилл с его «дешевым топливом» и «ещё десять».

На всякий случай я поставила коробку так, чтобы из коридора её было не видно. Хоть какая-то маскировка.

Разумеется, это не помогло.

Минут через двадцать дверь в бухгалтерию открылась с тем самым особенным звуком, от которого у людей в зале выпрямляется спина: спокойный, уверенный шаг. Я даже не подняла голову сразу, делала вид, что погружена в отчёт. Но по тому, как резко стихли шепоты и как Таня под столом шевельнулась (да, она теперь живёт там, полный пансион), — стало ясно: пришёл он.

— Доброе утро, — сказал Кирилл, и воздух в кабинете стал плотнее.

Я подняла глаза. Он стоял у дверей, в тёмной футболке и спортивных штанах, волосы ещё слегка влажные после душа. Взгляд сначала прошёлся по столам — ноутбуки, папки, кружки, лица «мы очень заняты». И, конечно, наткнулся на яркий белый лист «Сладкое — моя зависимость» и коробку, из которой торчали цветные глазированные пончики.

Пауза повисла густая, как сгущёнка.

— Инсталляция, — спокойно сказала я, пока никто не

рухнул от инфаркта. — Современное искусство.

Он перевёл взгляд на меня. Даже не злой. Скорее... утрашающе спокойный. А вот это уже опасно.

— Блинова, — произнес он. — Вы серьёзно?

— Абсолютно, — кивнула. — Нам нужен баланс. Вы за пресс, я за глюкозу. Симбиоз.

Сзади кто-то тихо хрюкнул от смеха и тут же закашлялся, маскируя. Я услышала, как Артём в коридоре притормозил... да, у него всегда вовремя возникают дела рядом, где обещает разразиться шоу.

Кирилл сделал несколько шагов внутрь, подошёл к подоконнику. Заглянул внутрь коробки так, будто проводит операционный осмотр.

— Пончики, — констатировал.

— Да, — любезно подтвердила. — Видите, вы тоже отличаетесь аналитическим мышлением. Мы с вами команда.

Он закрыл коробку. Взял лист с надписью «Сладкое — моя зависимость», прочитал, снова посмотрел на меня.

— Сладкое не зависимость, — спокойно сказал. — Сладкое - это костыль.

— Костыль ведь тоже поддержка, — парировала я.

Он на секунду задержал взгляд. Я почувствовала, как у меня в груди от его спокойствия растёт раздражение. Мне хотелось, чтобы он взорвался, накричал, запретил. Так проще знать, что ты «против злодея». А он стоял и очень спокойно разбирал мой маленький протест по частям.

Залез рукой в карман, достал телефон. Открыл чат «Pulse Staff» — тот самый общий, где мы обсуждаем рабочие моменты, графики, новые услуги. Набирает что-то. Телефон у меня на столе вибрирует.

Я глянула на экран и прочитала сообщение в общем чате.

Кирилл управляющий: «Команда, напоминаю: сахар в чёрном списке на рабочих местах. Никаких пончиков, конфет и прочего рядом с клиентскими зонами и в офисах. Причины: здоровье + профессиональный вид. Хотите сладкое — пожалуйста, в кафе/дома.

Три смайлика от разных тренеров. Один от Риты с плачущим котом.

Я почувствовала, как поднимается волна негодования. Да, правила, да, бренд... Но у меня сегодня реально внутри маленькая личная война: живот ноет, поясница тянет, настроение скачет.

И единственное, на что у меня хватает ресурсов — это не заплакать от одного вида отчёта по НДС. И он ещё лезет в мои пончики.

— Вы могли бы, — медленно произнесла я, — просто подойти ко мне и поговорить. Зачем устраивать показательную казнь в чате?

Он облокотился ладонью о край подоконника. Спокойный. Сдержанный. Тот самый «тиран с аргументами».

— Соня, — сказал он, — это не казнь. Это правила, которые действуют для всех. В том числе для управляющего. Я

тоже не хожу с бургером по залу, хотя иногда хочу.

— Бургер — это вкусно, — пробормотала я. — Но речь сейчас не о вас.

Он перевёл взгляд на мою табличку. Я уже сама понимала, как это выглядит: компенсаторная истерика в виде глазури. Но отступать было поздно.

— Снимите, пожалуйста, это, — кивнул он на лист. — И уберите пончики.

— Нет, — сказала я. И сама удивилась, как ровно. — У меня... обстоятельства.

— Какие такие обстоятельства? — он слегка сузил глаза.

Вот тут меня и повело. Я почувствовала, как в горле встаёт комок, а глаза начинают подступать влагой. Ну нет. Не хватало еще рыдать на работе из-за гормонов, пончиков и красивого босса, который слишком правильно живёт.

Я встала, чтобы не говорить это сидя. Вдохнула. Выплюнула, как пулю:

— У меня ПМС, — сказала чётко. — И я не могу игнорировать желание организма хоть как-то подсластить эти неприятные дни. Я держусь, как могу. Я работаю. Я прихожу к вам на тренировки в семь утра, хотя мечтаю вас придушить ковриком. И если в такие дни мне хочется пончика, я его ем. Это тот минимум, благодаря которому я не превращаюсь в монстра и не швыряю вам в голову отчёт по амортизации.

Тишина повисла такая, что можно было слышать, как бухгалтерский принтер где-то в углу печатает очередной лист.

У Тани из-под стола выкатился степлер. Юля замерла над клавиатурой, как статуя. Даже в коридоре на секунду перестали идти.

Я стояла, дышала, чувствуя, как щеки горят огнём, но назад пути уже не было.

Кирилл смотрел на меня.

Он открыл рот, чтобы что-то ответить...

И в этот момент его телефон завибрировал ещё раз. На экране высветилось: «Маркетинг: срочно по сторис с тренировки». Он бросил короткий взгляд, сжал челюсть.

— Соня, — сказал он, — ко мне в кабинет. Сейчас. Обсудим... обстоятельства.

Развернулся и вышел.

Коробка с пончиками стояла на подоконнике как неприкосновенный запас. Коллеги уставились на меня с выражением «ну ты, конечно, дала».

— Если я не вернусь, — вздохнула я, — помяните меня сахаром.

Взяла свою кружку, телефон и пошла за ним по коридору, чувствуя, как внутри всё сжалось: от стыда, злости, гормонов и того, что мне придётся объяснять мужчине, который знает всё о мышцах и нагрузках, как работает женский организм.

Кабинет управляющего был открыт. Он ждал. И я понятия не имела — он сейчас меня разнесёт, уволит, пожалеет, поймёт... или всё сразу.

Глава 6

Кирилл

Кабинет моя территория. Здесь всё подчинено прямым линиям: стол, стеллаж, стеклянная стена на зал, монитор с графиками посещаемости. Здесь нет места неожиданностям. Во всяком случае, я так себе это много лет внушаю.

В дверь постучали, хотя кабинет был открыт. Соня заходит, держит кружку как щит. Лицо упрямое, щеки всё ещё румяные, то ли от пончикового бунта, то ли от того, что только что объявила при всём отделе: «У меня ПМС».

Честно? Я до сих пор слышу это в голове. Не потому, что слово новое. Потому что она сказала это при всех, выставив меня тираном. И в этот момент я очень ясно понял: мы живём в разных вселенных. В моей всё измеряется повторениями, весами и процентами жира. В её ещё и болью, гормонами, настроением, которое скачет, как мой пульс на последнем забеге, и ей приходится с этим работать и при этом считать наши долбанные отчёты. Возможно я слишком перегнул?

— Проходи, — говорю спокойно.

Она садится на край стула напротив. Кружку ставит перед собой, пальцы переплетает, как будто боится её уронить. Смотрит на меня снизу вверх.

— Значит так, — начинаю я по привычке. — Мы сейчас не будем обсуждать... — короткая пауза, — физиологиче-

ские детали. Я слышал, принял. И да, понимаю, что тебе может быть хуже, чем обычно.

— О, прогресс, — тихо усмехается.

— Не доводи, — автоматически бросил. — У нас вопрос другой. Сотрудник, который устраивает сахарную вечеринку в бухгалтерии, против общих правил. Это проблема.

— А сотрудник, который забирает у людей еду и публично в чате объявляет правила — не проблема? — парирует. — Я, кажется, не одна, у кого глаз в этот момент дёрнулся.

Я смотрю на неё. Молчит, но во взгляде явно прослеживается «я не сдамся». Броня на броню. Я привык, что люди либо прогибаются, либо ломаются. Она торгуется.

— Ты лицо компании, — произношу, наконец, то, что крутилось в голове весь этот день. — Даже если ты сидишь в бухгалтерии, тебя всё равно видят: сотрудники, клиенты, партнёры. Уже все видят, между прочим. Видео со степа смотрела?

Щёки вспыхивают ещё сильнее.

— Я видела только уведомления «ты отмечена в сторис» и «вас прокомментировали: “горячий босс и сладкая бухгалтерша”», — бурчит. — Я не просила эту славу.

— Никто не просил, — киваю. — Но она пришла. Всё, что попадает в сеть, работает на нас или против нас. Сейчас на нас. Ты в кадре живая, смешная, неидеальная и при этом не сдаёшься. Людям такое нравится.

— То есть, — сужает глаза, — я, оказывается, реклама?

Я пожимаю плечами:

— Ты одна из тех, кто формирует образ «Pulse». Да.

Она несколько секунд молчит. Видно, как внутри крутится какая-то шестерёнка. Потом поднимает на меня глаза и с абсолютно серьёзным видом выдаёт:

— Хотите рекламу — платите.

Я не успеваю удержать реакцию. Настоящий смех выходит из меня неожиданно, как рывок в конце спринта — коротко, громко, с настоящим выдохом. Меня самого это удивляет. Челюсть расслабляется, плечи тоже, будто с них кто-то снял штангу.

Соня смотрит так, будто увидела НЛО.

— Это что сейчас было? — прищуривается. — Вас кто-то потряс? Или я попала на скрытую камеру?

— Это... — я всё ещё непроизвольно улыбаюсь, — называется «я посмеялся».

— Ничего себе, — она откидывается на спинку стула. — Так вы умеете. А я думала, у вас при рождении сразу встроили режим «строгий судья» без опции «человек».

Это уже её очередь попадать в яблочко. И да, немного больно, потому что близко к правде.

— Не обольщайся, — возвращаю себе хоть какой-то вид строгости. — Судья есть. И он сейчас обсуждает твой пончиковый бунт.

— Хорошо, давайте так, — она складывает ладони на столе. — Вы хотите, чтобы я была «лицом компании» живым,

смешным. Не витринной Барби, а человеком, на которого нормальные женщины посмотрят и скажут: «Если она смогла, то я тоже». Верно?

Я молча киваю.

— Тогда давайте договоримся, — продолжает. — Я хожу на ваши тренировки. Я не устраиваю ежедневный карнавал из пончиков в отделе. Но вы перестаёте делать из сахара беду. Без шейминга. Без этих ваших публичных «в чёрный список». Мы взрослые люди, у нас у всех есть дни, когда без сладкого хочется кого-нибудь побить. В моём случае — вас.

— Принято, — отвечаю.

— И ещё, — добавляет она и поднимает палец. — Если я уже «реклама», как вы говорите, то за это платят. Не обязательно деньгами. Можно...

Она делает паузу, явно перебирая в голове варианты.

— Можно чем? — спрашиваю, чуть наклонившись вперёд.

Мне действительно интересно, что там у неё за логика и что же она по итогу предложит.

— Нормальной кухонной зоной, например, — выдаёт. — Без этого микроскопического чайника и куска стола, где мы толкаемся локтями над быстрозавариваемой лапшой. Маленький холодильник, пара шкафчиков. Уголок, где сотрудник может поесть как человек. Диванчик бы еще.

Я, если честно, ждал чего угодно: просьбы о премии, выходных, абонеента на массаж. Не про кухню. И не в такой

формулировке.

— Ты хочешь... кухню, — уточняю.

— Я хочу, — она смотрит прямо, — чтобы если вы уже так упарываетесь по здоровому образу жизни, людям было где его реализовывать, а не только слушать лекции. Нормальное место, где можно разогреть гречку, а не скрываться с пончиком в туалете. Это, на минуточку, тоже про бренд. Но у вас почему-то «сотрудник» заканчивается там, где заканчивается зал. Дальше — только пресс и отчёты.

Да. Попадает. Чётко. Я откидываюсь в кресле, перевариваю.

Она делает вдох и добавляет, уже мягче:

— И да. Одно официальное послабление для женщин раз в месяц. Вы взрослый мужчина, управляете сетью, но при этом делаете вид, что у нас все тела одинаково работают каждый день. Это просто... не честно.

Я чувствую, как внутри что-то сдвигается. У меня всегда была жёсткая линия: «тело = механизм, с ним можно договориться дисциплиной». Но этот механизм мужской. Мой. Настроенный через спорт, армию, развод. Я никогда особо не задумался, что у них другая механика. И что они приходят на работу и тренировку, иногда уже на исходе сил, и всё равно тянут.

— Хорошо, — говорю наконец. — Кухню я подниму с владельцами. Можем выделить угол, поменять чайник, поставить микроволновку и нормальный холодильник. Усло-

вие: там не будет постоянного стола «шведский стол из тортиков».

— Раз в месяц можно, — сразу оговаривает она.

— Раз в месяц день «легального сладкого» для тех, кому нужно, — соглашаюсь. — В остальное время нормальная еда без крайностей. Ок?

Она кивает. И я вижу, как уходит часть напряжения с её плеч.

— А с сахаром... — продолжаю, — ладно. Формулировку «в чёрный список» уберу. Был перегиб. Но коробка пончиков в открытом доступе в бухгалтерии всё равно не хорошая затея. Это, Соня, не про ПМС, а про то, что в один день можно убить полдня продуктивности.

— Тогда я буду приносить коробку закрытую и только для себя, — тут же находит лазейку.

— Один пончик. Тогда я буду считать это частью твоего плана питания, — отвечаю ровно. — И добавлять тебе плюс тридцать минут на дорожке.

— Шантажист, — фыркает она.

— Договор, — уточняю. — Сделка.

Она поджимает губы, думает, потом всё-таки тянет руку через стол.

— Ладно, — говорит. — Сделка. Я перестая троллить вас публично... так сильно.

Я смотрю на её руку. Маленькая ладонь, короткие пальцы, ноготь чуть скошен, видно сломала краешек. Беру эту руку в

свою. Жмём. С момента развода я мало кому давал возможность заходить на эту дистанцию.

— Договорились, — говорю.

Она улыбается, отпускает мою руку, берёт кружку.

— Можно вопрос? — останавливается у двери.

— Давай.

— Вы правда считаете, что... ну... я могу быть «лицом компании»? При моих-то... — она неопределённо машет в сторону своего тела, — формах, особенностях и прочих престях?

Смотрю на неё внимательно.

— Я считаю, — говорю, не отводя взгляда, — что из тебя можно сделать очень сильную, красивую форму. И что люди поверят такой рекламе быстрее, чем очередной фитоняшке. И вопрос не в том, могу ли я. Вопрос в том, хочешь ли ты.

Она молчит пару секунд. Потом кивает почти незаметно.

— Посмотрим, — говорит. — Но когда увижу кухню.

Уходит. Дверь мягко закрывается.

Я остаюсь один, и вдруг понимаю, что устал больше, чем после часовой тренировки. Эмоциональная работа тоже нагрузка, как ни крути.

Но внутри не привычная злость или разочарование. Там странное чувство, близкое к... лёгкости? Я впервые за долгое время не «продавил» человека, а договорился, учитывая то, что раньше вообще не включал это в уравнение.

Но долго подумать об этом не дают. Ноутбук коротко пи-

кает — новое письмо. От владельца сети.

Тема: Открытие филиала «Pulse» Ярославль. «Кирилл, привет. Утвердили запуск в Ярославле. Нужен ты лично для старта на две недели. Вопрос по сопровождению: 1. Кто поедет как бухгалтер — нужны прозрачные отчёты, без сюрпризов. 2. Нужен “человеческий” представитель бренда.

P.S. Видели сторис со степом. Эта Блинова находка. Люди комментируют, сохраняют, спрашивают, что за клуб. Думаем, стоит брать её как “лицо” на запуск. Жду твоего предложения по составу команды.»

Я перечитываю строчки «эта Блинова — находка» и «лицо на запуск» три раза. Чувствую, как уголки губ снова сами собой тянутся вверх.

Вот тебе и «сладкое моя зависимость».

Откидываюсь в кресле и думаю о том, как Соня только что стояла в моём кабинете, трясла пончиками, торговалась за кухню со мной.

И понимаю: да, я поеду в Ярославль. И да... предложу взять с собой именно её как в лице бухгалтера, так и в лице представителя бренда.

Глава 7

Соня

Если бы мне месяц назад сказали, что я окажусь в командировке с Кириллом Лавровым, в самолёте, на каблуках и в статусе «лицо компании», я бы предложила этому человеку проверить голову на наличие посторонних предметов.

Но вот я в кресле у иллюминатора, ремень врежется в живот, ладони мокрые, сердце бьётся как на его проклятых «интервалах 30/30». А рядом — он. В костюме, с ноутбуком, спокойный, как будто мы просто едем на метро, а не летим в жестяной консервной банке над землёй.

— Ты дышишь? — его голос тихий, но с привычной ноткой контроля.

— Иногда, — выдавливаю. — Между мыслями о высоте.

Стюардесса проходится по проходу, проверяя ремни. Я нервно поправляю свой. Ещё раз. И ещё. Вдруг он ослаб? Я хочу быть максимально привязанной к этому креслу. Вообще, если можно, привяжите меня скотчем и изолентой.

Самолёт начинает вырубивать на полосу. Я смотрю в окно и думаю, что это была плохая идея — окно. Был шанс сидеть в проходе и делать вид, что мы просто трясёмся в автобусе.

— Ты чего дрожишь? — спрашивает Кирилл. — Тебя в зале так не трясёт.

— В зале я хотя бы стою на земле, — шиплю. — А сейчас

нас запустят в воздух с помощью двух двигателей и пилота, который, возможно, поссорился с женой утром.

— Пилоты проходят медосмотр, — спокойно напоминает он.

— Вы уверены?

Он смотрит на меня сбоку. Я чувствую этот взгляд кожей, но смотреть в ответ страшно, оторвёмся же сейчас. В голове крутится: «взлёт самая опасная часть полёта». Спасибо, интернет. Спасибо, тревожный мозг.

Самолёт тормозит на полосе, движки набирают мощность. Гул такой, что говорить уже бессмысленно. Я вцепляюсь в подлокотники. В этот момент самолет начинает разгоняться, и всё во мне одновременно просится наружу.

И вот тут, на автомате я хватаюсь за его руку.

Это не «ой, случайно коснулась», это «вцепилась мёртвой хваткой». Пальцы сами находят его ладонь, цепляются за неё, как за единственный доступный в этой жизни якорь. Тёплая, крепкая рука, сухая горячая кожа, жёсткие пальцы тренера.

Он не дёргается, не убирает руку. Наоборот, слегка сжимает мои пальцы в ответ.

— Дыши, Соня, — наклоняется чуть ближе. — Медленный вдох носом, выдох протяжный ртом. Как на разминке. Помнишь?

— Очень смешно, — отвечаю, но воздух уже выдуваю ровнее. — Если мы упадём, я вас возненавижу.

— Если мы упадём, тебе уже будет всё равно, — логично замечает он.

— Вы отличный мотиватор, спасибо.

Самолёт отрывается. Ступни теряют контакт с землёй, железный лудок падает куда-то в пятки, уши закладывает. Я прижимаюсь к спинке кресла, сжимаю его руку со всей силы. Он терпит.

— Ты же не первый раз летишь, — спокойно.

— Второй, — честно признаюсь. — Первый я выпила столько валерьянки, что не помню вообще, как это было.

— Могла бы повторить.

— Не могу, — качаю головой. — С вами рядом надо сохранять остатки адекватности.

Он хмыкает. Пальцы чуть сильнее сжимают мою руку, будто проверяя пульс. И, кажется, это работает: шум становится привычным, самолёт выравнивается, я перестаю чувствовать, что земля навсегда исчезла из-под ног.

— Всё, — говорит он спустя пару минут. — Набрали высоту. Летим.

Я осторожно ослабляю хватку. Пальцы побелели, ладони вспотели. Отпускаю его руку.

— Простите, — бурчу. — Я не планировала на вас напасть.

— Я заметил, — отвечает он. — Нападение выглядело бы иначе.

Я краснею.

— Просто... — оправдываюсь. — Алкоголь на работе нельзя, а я очень люблю землю. И когда её временно лишают, мне требуется... мужская помощь.

— Буду считать это комплиментом, — коротко.

Потом он открывает ноутбук, уходит в таблицы, а я делаю вид, что читаю журнал, хотя в голове всё ещё шумит: взлёт, его ладонь, его «дыши», и где-то очень далеко — Ярославль, куда мы летим открывать новый филиал.

Банкет — это отдельный вид спорта, просто без коврика. Большой зал отеля: белые скатерти, хрусталь, официанты в чёрном, фуршетные столы с канапе, люди в костюмах, шампанское. На фоне спокойная музыка, на переднем плане местные важные лица.

Я в платье, которое не хотела надевать. Чёрное, по фигуре, с декольте «чуть больше, чем мне комфортно». Даша из отдела кадров уверяла: «Надо показать, что бухгалтер тоже женщина, и очень привлекательная». Ну вот, показали. Сейчас меня хочется спрятаться в шкаф.

Кирилл в идеальном костюме. Надев галстук, он превратился не просто в тренера, а в того самого «управляющего сетью». Уверенный шаг, рукопожатия, спокойные разговоры. Он то и дело представляет меня: «Это наш бухгалтер, Соня Блинова, отвечает за отчётность и финансовую прозрачность». Люди кивают, улыбка «приятно познакомиться», потом взгляд чуть ниже лица, на линию выреза, потом ещё раз

«приятно познакомиться».

Я заранее устала.

В какой-то момент к нам подходит мужчина. Местный спонсор, владелец пары бизнес-центров и, судя по золотым часам, ещё и коллекции плохого вкуса.

— Кирилл, рад, что всё-таки открываемся, — говорит он.
— Город вас ждёт.

Они обмениваются рукопожатиями, фразами про «трафик», «локацию», «целевую аудиторию». Я стою рядом, пытаюсь выглядеть важной, не трогая бокал шампанского.

— И кто у нас тут такая очаровательная? — внимание клиента переключается на меня. — Это и есть ваша «легендарная бухгалтерша» из видео?

Я чувствую, как меня то ли заливают жаром, то ли раздражением. Видео я не смотрела, но комментарии уже слышала. «Сладкая бухгалтерша», ага.

— Соня, — кивает Кирилл. — Наш бухгалтер.

— Это прекрасно, — мужчина делает шаг ближе. Слишком близко. Берёт меня за руку. — У вас очень... живой бренд, Кирилл. Живая женщина в кадре — это всегда плюс. Люди любят... натуральность.

Его пальцы держат мою руку чуть дольше, чем нужно. Ногти ухоженные, кожа мягкая, но от этого не легче. Я не люблю, когда меня трогают без спроса. Особенно незнакомые. Особенно на работе.

Я аккуратно высвобождаю руку. Улыбаюсь дежурно.

— Просто делаю свою работу, — говорю. — В основном она не попадает в кадр.

— Это упущение, — улыбается он так, что мне становится некомфортно. — Знаете, в нашем городе много мужчин, готовых поддержать ваш клуб. Особенно если на баннерах будет такая... — он обводит меня взглядом снизу вверх, — харизматичная сотрудница.

Я чувствую, как в животе заворачивается неприятный комок. В голове включается знакомое: «Не делай сцен. Ты на работе. Это партнёр. Терпи, улыбнись, отшутись». Старая настройка, привитая всеми «будь лояльной».

Кирилл в этот момент отвлекается, к нему подходят представители администрации, зовут к отдельному столику «обсудить детали». Он кивает мне: «Справишься?», я киваю: «Конечно», потому что я же взрослая девочка, я же всё могу.

Как только он уходит, клиент берёт новый бокал шампанского, протягивает мне.

— Давайте за сотрудничество, Соня.

— Я не пью, — вру. — У меня... эти... таблетки.

— Тогда просто подержите, — ухмыляется. Его рука снова оказывается на моей — уже с бокалом между пальцами. — Я давно говорил, что фитнес — это не только про мышцы. Это ещё и про... отношения с партнёрами.

Он делает акцент на слове «отношения».

— У нас всё равно будут общие мероприятия, встречи, — продолжает. — Можно будет устраивать... приватные тре-

нировки для спонсоров? Вы же здесь на старте. Можно хорошо... закрепить контакт.

Он наклоняется ближе. Запах одеколона плотный, дорогой и почему-то липкий, как мёд, который пролили на стол и не вытерли. Его ладонь ложится мне на талию, большой палец чуть двигается ниже. Не сильно. Не откровенно. Но достаточно, чтобы у меня всё внутри сжалось.

Я улыбаюсь, но это не улыбка, а просто барьер.

— Я бухгалтер, — тихо, чтобы никто не услышал. — Я работаю с цифрами, а не с... контактами. Тем более со спонсорами, с такими запросами вам нужно обращаться не ко мне.

— Не скромничайте, — шепчет он. — Вы же понимаете, что от многого зависит, как спонсор будет относиться к проекту. Можно же быть чуть... гибче.

«Гибче». Отлично. В голове вспыхивает старая история, которую я давно не вытаскивала: парень, который «шутя» хватал за талию на корпоративах, коллеги, которые говорили: «Да ладно, он просто такой», и я, которая улыбалась и делала вид, что всё норм. Потому что «не надо портить атмосферу».

И вот сейчас та же атмосфера. Только ставки выше.

Он поджимает меня чуть ближе. Нога задевает мою. Я смотрю в зал и чувствую, как в горле становится очень сухо. Мне хочется отодвинуться, сказать «уберите руку», уйти. Но я вижу, как вокруг все улыбаются, чокаются, смеются. Я снова 24-летняя Соня, которая боится испортить «важное

впечатление».

И тут я ловлю взгляд.

Кирилл стоит через зал, среди людей. Говорит с кем-то, но глаза на мне. Он не слышит слов, но видит картинку: я, зажата между столиком и этим липким типом, рука на моей талии, моя «рабочая» улыбка, которая вряд ли обманет человека, привыкшего читать тело.

Наши глаза встречаются. Его взгляд становится мгновенно холодным.

Он что-то коротко говорит собеседнику, делает шаг в сторону, ещё один. Я чувствую, как моё сердце ускорено стучит.

Клиент тем временем продолжает:

— Не переживайте, я очень деликатен. Никто ничего не заметит. Иногда нужно быть чуть ближе к тем, кто принимает решения.

Я открываю рот, чтобы всё-таки выдать что-то вроде «отойдите, пожалуйста». Но звучит это только у меня в голове.

Вместо этого рядом внезапно появляется знакомый голос:

— Простите, вы не против, если я украду у вас нашу бухгалтерию на пару минут? — говорит Кирилл.

Он говорит вежливо, но в этой вежливости сталь. Его рука ложится мне на плечо, но иначе: сверху, уверенно, не притягивая, а закрывая.

Клиент хмыкает.

— Мы только начали налаживать... контакт, — тянет. —

Тут такие перспективные формы сотрудничества.

— Уверен, что по части форм сотрудничества мы справимся сами, — говорит Кирилл ровно. — Соня нам нужна спокойная и без... перегрузки.

Он чуть сжимает моё плеч, даёт понять: «я тут». Я дышу чуть глубже.

Клиент делает вид, что не понимает подтекста.

— Ну что вы, Кирилл. Я всего лишь предлагаю девушке ещё бокал. И пару идей по рекламе.

— Соня занимается отчётами, — взгляд Кирилла становится ледяным. — Не вашей персональной промо-кампанией. Если вам нужны обсуждения по рекламе будем общаться официально, через отдел маркетинга.

Пауза. Музыка продолжает играть, но для меня всё, что сейчас звучит — это его голос. Спокойный. Чёткий.

Клиент улыбается шире, но глаза остаются без эмоций.

— Вы слишком серьёзно всё воспринимаете, — протягивает. — Я же просто шучу.

— Я не шучу, — отвечает Кирилл.

Кирилл не ждёт реакции. Он разворачивает меня к себе, забирает бокал из моих пальцев, ставит на ближайший стол.

— Пойдём, — тихо мне. — Тебе нужна вода. И тишина.

Я позволяю себя увести. Мы выходим из зала в коридор отеля. Двери закрываются за нашей спиной, и шум музыки становится приглушённым гулом где-то в другой реальности.

Коридор длинный, с мягким ковровином, приглушённым светом. Пахнет каким-то отелевским освежителем воздуха и кофе. Я останавливаюсь у стены, делаю глубокий вдох. Руки слегка дрожат. Липкое ощущение от чужой ладони на талии ещё не ушло.

Кирилл стоит напротив, чуть поодаль. Смотрит внимательно. И молчит.

— Спасибо, — говорю я тихо. Голос предательски срывается на последнем слогe. — Я... замерла. Тупо, да?

— Не тупо, — отвечает он.

Я смотрю на него. Он облокотился плечом о стену, руки в карманах брюк, галстук чуть ослаблен.

— Ты не обязана терпеть, Соня, — повторяет. — Ни здесь, ни где-либо ещё. Даже если это «важный партнёр». Если кто-то делает тебе дискомфортно, ты говоришь «нет» и уходишь. Остальное моя проблема. Не твоя.

Смешно: я бухгалтер, привыкла, что всё «моя» проблема цифры, сроки, чьи-то косяки. И вот он сейчас забирает кусок ответственности с меня, как гантельку: «Это мой вес, не твой».

— Я... — начинаю. — Просто думала, что если я сейчас скажу что-то жёстко, вы потом получите выговор от начальства. Или проект пошатнётся.

— Проект пошатнётся, если мои сотрудники будут чувствовать себя вещами, — отвечает он. — Я не строю «Pulse» на чужом молчании. Пусть это прозвучит пафосно, но мне

важнее люди, чем один удобный контракт.

— Я серьёзно, — добавляет.

Ладно. Всё. Хватит. Глаза начинают мокреть, и я ненавижу, когда плачу при людях. Ещё больше — при нём.

— Я не плачу, — бурчу, шмыгая носом. — Это... аллергия на идиотов.

— Хорошо, — он еле заметно улыбается. — Тогда будем считать, что у нас у обоих на них непереносимость.

Мы смотрим друг на друга. Тишина затягивается.

— Ещё раз... спасибо, — повторяю, уже ровнее. — Не только за то, что вылезли за меня, но и за... слова.

Он кивает. Его взгляд задерживается на моём лице чуть дольше. Опускается к губам, возвращается к глазам. В воздухе что-то меняется почти ощутимо.

Я чувствую, как между нами натягивается какая-то тонкая, электрическая нить. Один шаг — и...

Делаю вид, что поправляю платье, отводя взгляд. Он чуть отстраняется.

Глава 8

Кирилл

Коридор отеля тихий, мягкий ковролин глушит шаги, свет тёплый, жёлтый, стены все одинаковые. Там, за дверью, банкет гремит, льётся шампанское, люди общаются. А здесь — тишина.

И она.

Стоит напротив, спиной к стене, пальцы всё ещё чуть дрожат, взгляд цепляется за меня, как в самолёте за руку. Только сейчас падать некуда.

— Ты не обязана терпеть, — повторяю и сам слышу, как это звучит.

Не как корпоративный слоган, а как приговор всему тому, к чему я привык. «Терпят», «сжимаются», «не мешают бизнесу» — это удобный мир для тех, кто сверху. Я был сверху. Я это знаю.

Соня делает вдох. Выдох. Смотрит на меня. Не на «управляющего», не на «горячего босса» из сторис. Просто на мужика, который только что вытащил её из липких лап спонсора.

Взгляд у неё... да, другой. Не тот, что был в первый день с колбасой «выбросите меня, только не трогайте бутерброд». И не тот, что в зале «я убью вас за “ещё десять”». Сейчас там что-то мягкое и одновременно опасное. Притяжение, помно-

женное на благодарность. Самая взрывоопасная смесь.

Я прекрасно знаю, что это плохой момент. Она под адресом, я в бешенстве от чужих рук на её талии, плюс этот чёртов банкет, полёт, ответственность за запуск филиала. В таких состояниях надо уходить в душ, а не в чьи-то глаза.

Но, видимо, часть моего мозга, отвечающая за «надо», в этот вечер ушла покурить.

Я киваю. Чувствую, как разговор провисает. Обычный, рабочий, безопасный диалог закончился. Дальше либо формальное «пойдём обратно, у нас банкет», либо то, что не вписывается ни в один мой распорядок.

Она шмыгает носом, нервно поправляет платье, пальцы скользят по ткани на талии. Глаза блестят от подкатывающихся слез.

Я делаю шаг ближе. Дальше ещё один. Нависаю над ней, но не прижимаю. Оставляю ей выход. Всегда.

— Соня, — тихо. Сам не понимаю, что хочу сказать. «Ты молодец»? «Тебе очень идёт это платье»? «Ты можешь идти в номер»? Всё сразу? Ни одно не звучит нормально.

Она поднимает голову, мы оказываемся на опасной дистанции. Я чувствую её запах, не этот отельный освежитель, а её собственный: что-то тёплое, едва сладкое, кожа, немного шампуня, что-то цветочно-ванильное. Я автоматически отмечаю, как у неё участился пульс, можно не щупать, видно по шее.

Она не отодвигается.

Это важный момент. Я не животное. Я чётко знаю: пока человек отходит, отворачивается, сжимается — ты стоишь на месте. Но она не сжимается.

— Это была не твоя вина, — всё-таки произношу. Поздно, но лучше поздно. — То, что было в зале.

— Я знаю, — отвечает она. — Просто... привычка думать наоборот. Понимаете?

Нет, не понимаю. У меня другая привычка, сначала виноват сам, потом ищешь внешние факторы. Но я понимаю, что у неё другой мир. И то, что я видел сегодня не единичная сцена, просто первая, где кто-то оказался рядом и защитил.

Я тянусь рукой аккуратно, медленно, давая ей время, если что, отстраниться. Касаюсь большим пальцем уголка её губ, там, где блестит одна упрямая, никуда не скатившаяся слеза. Стираю.

Она замирает. Не отходит.

— Не плачь из-за таких, — говорю. — Они того не стоят.

— Я... — она сглатывает. — Я плачу не из-за него.

— Из-за кого?

Глупый вопрос. Ответ, в общем-то, не нужен. Мне достаточно видеть, как дрожит у неё подбородок, как она держится, чтобы не зареветь, как школьница после проваленного экзамена. Хочется обнять и успокоить.

Я делаю второй шаг, тот самый, после которого расстояние уже почти отсутствует. Ладонь сдвигается с её щеки чуть ниже, пальцы ложатся на линию челюсти. Большой палец —

у уголка губ. Чувствую её дыхание. Слышу своё.

Она на долю секунды приподнимает лицо. Совсем чуть-чуть. Но этого хватает, чтобы мой мозг официально перестал рулить.

Я наклоняюсь и целую её.

Без вступлений, без идиотского «можно я». Не потому, что «имею право», а потому, что она сама в этот момент тянется навстречу. Внутренне я понимаю: «Плохая идея. Рабочие отношения. Филиал. Ответственность». Но губы уже на её губах, и это, чёрт побери, лучше, чем всё, что было в моём расписании за последний год.

Поцелуй не аккуратный. Горячий, живой, чуть резкий. Она сначала замирает, а потом... отвечает.

Пальцы сами скользят к затылку, придерживают. Она чуть сжимает мою рубашку на груди, буквально двумя пальцами, но мне этого достаточно, чтобы понять: мы оба здесь. Не один я «слетел с катушек».

Уже не слышу ничего, что творится вокруг, есть только её губы, вкус шампанского, которого она не пила, но который по пути каким-то образом оказался здесь, сладковатая пьянящая нотка, её дыхание, которое сбивается, и моё, которое пропадает.

Я не мальчик, чтобы терять голову из-за первого встречного поцелуя, но сейчас голову сносит основательно.

И именно поэтому, наверное, вселенная решает напомнить, что я не просто мужик, а ещё и человек, который под-

писывал себе внутренний договор «никаких отношений на работе». И договор сегодня горит.

Она первой отстраняется. Резко. Словно сама себя за шкурку оттаскивает.

— Стоп, — шепчет. Голос охрипший. — Нет. Нет-нет. Это...

Закрывает глаза, мотает головой, как будто хочет выбросить из неё картинку последних секунд. Высвобождается из моей руки, отступает на полшага, потом ещё.

Я делаю шаг назад сам. Руки в карманы. Зачем - сам не знаю. Наверное, чтобы не тянулись обратно. Да и прикрыть свою реакцию, которая сейчас не совсем уместна.

— Соня... — начинаю, но она уже поднимает ладонь в жесте «хватит».

— Нет, — говорит чётче. — Это ошибка.

Слово бьёт неприятно. Не потому, что я считаю себя безошибочным, а наоборот. Потому что слишком хорошо знаю, как потом эти «ошибки» аукаются месяцами.

— Мы... — она глотает воздух. — Мы на работе. Мы в командировке. Вы мой начальник. Я ваш бухгалтер. Я... не собираюсь повторять чужие истории, где кто-то потом теряет работу, репутацию и всё остальное.

Я слушаю. Это всё, что я могу сейчас сделать правильно не давить, не оправдываться, не говорить «ты сама». Виноват здесь я. Я старший, я выше по структуре, я должен держать голову холодной. А я только что ей её взорвал.

— Соня, — выдавливаю, — я...

— Не надо, — говорит она твёрдо. — Просто... давайте сделаем вид, что этого не было. Как того, — кивает куда-то в сторону зала, — придурка, который лез ко мне. Я не хочу, чтобы всё, что вы сегодня сказали, превратилось в «босс, который полез ко мне в рот после хорошего поступка».

Это больно, потому что, как ни крути, но всё так и есть. Я ненавижу эту мысль, но она реальна.

Она смотрит мне в глаза, и уже не слёзы там, а страх. Не передо мной. Перед собой. Перед тем, что это может всё испортить.

— Это была ошибка, — повторяет тише. — Давайте просто... забудем. Пожалуйста.

И, не дожидаясь ответа, разворачивается и уходит по коридору. Быстро. Каблуки едва слышны на ковролине, но мне кажется, что каждый её шаг звучит эхом в моей голове.

Я остаюсь, прислоняюсь затылком к стене. Делаю глубокий вдох. Выдох. Считаю до десяти. Не помогает. Внутри всё кипит. На злость это мало похоже. Скорее, на смесь вины, желания и привычного «ты опять всё усложнил».

«Зачем я это сделал?» — первая мысль.

«Да потому что хотел» — честный ответ.

«А должен был?» — очевидно, нет.

Дисциплина та штука, которой я гордился всю жизнь. Я выстраивал по кирпичу: режим, правила, личные границы, профессиональная этика. И сейчас за каких-то десять секунд

я сам ногой выбил кирпич из фундамента. Потому что маленькая бухгалтер с пончиками и глазами «я не буду это терпеть» подрезала мне всё.

Я злой. На себя, не на неё. На бывшую, на друга, на всех тех, кто в своё время научил меня, что смешивать личное и рабочее гарантированный путь к катастрофе. И на то, что я всё равно сейчас это сделал.

Телефон вибрирует в кармане. Я достаю, смотрю на экран, ожидая увидеть хоть что-то полезное — сообщение от владельцев, от Артёма, от кого угодно. Там высветилось знакомое имя.

Илья (друг из Москвы):

«Кир, сорян, что в ночь. Твоя бывшая опять всплыла. Писала мне. Хочет с тобой встретиться и кое-что обсудить. Говорит, “это важно”. Позвони, как будешь свободен.»

Я смотрю на экран и тихо матерюсь себе под нос. Отлично. Вишенка на торте.

Бывшая и «важно». Соня, поцелуй, «это ошибка». Я — посередине, как идиот, который думал, что выстроил себе чёткую жизнь без лишних эмоций. И всё в один день.

Телефон вибрирует ещё раз. Новое сообщение от Ильи: «И да. Она знает, что ты сейчас в Ярославле. Кажется, у неё свои планы.»

Класс. Просто охуенно.

Я гашу экран, засовываю телефон обратно в карман и понимаю, что дисциплина у меня осталась только на бумаге. В

реальности всё куда грязнее и сложнее. И, похоже, ближай-
шее время мне придётся разбираться не только с запуском
клуба, но и с тем, что я сам разворошил в себе и в той, ко-
торая только что убежала по коридору, назвав наш поцелуй
ошибкой.

Бывшая прислала адрес кафе в Ярославле и назначила
время. Я как раз успевал, был один вечер свободный до пе-
релета в Москву. Кафе было из разряда «деловое, но с ду-
шой»: дерево, мягкий свет, музыка фоном, бариста с модной
бородой и люди за ноутбуками, которые делают вид, что спа-
сают мир презентациями. Я выбрал столик у окна, спиной к
стене, лицом к залу. Привычка: люблю видеть вход.

Она пришла почти без опоздания. Всё такая же собран-
ная: пальто в талию, каблуки, волосы идеальной волной, по-
мада правильного нюда. Если бы я не знал, чем всё закончи-
лось, мог бы снова купиться на эту картинку.

— Кир, — растянула губы в знакомой улыбке, наклоняясь
для «поцелуя в щёку».

Я сделал шаг назад. Лёгкий. Но достаточно, чтобы её губы
прошлись мимо, по воздуху.

— Илья сказал, что ты по работе хотела со мной погово-
рить, — напомнил. — Давай без этого.

Она на долю секунды дёрнулась, но быстро собралась.

— Ну как скажешь, — села напротив, аккуратно положи-
ла телефон экраном вниз. Маникюр идеальный. — Ты всё

такой же серьёзный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.